

против меня показаниями воспользовался сенатор. Я конечно не мог и думать, что мне Николай преподнесет то, что черным по белому изобразил сенатор. Пусть так. Пока я никого не трогаю, отгрызаюсь лишь за себя. Но, если меня посадят на скамью подсудимых, тогда и я вспомню, что у меня жена и ребенок и отброшу я тогда всякую щепетильность и поставлю вопрос ребром о всей той конспирации, которую прикидывали относительно лиц все 1 сентября. Хотели сделать без меня, ну и сделали, неважно только вышло. А вот, когда неважно вышло, тогда потеряли человека, тогда хватайся за Спиридовича, тащи его и ври на него, может сообща и выкрутимся. Нет, пусть Николай спросит о том, что надо говорить того, с кем он не разлучался все 1 сентября и с кем обмозговывал допуск Богрова в театр. А я как-нибудь один постараюсь справиться с данными сенатора, который все данные против меня дал лишь один Николай» (Тайна убийства Столыпина. С. 451; ГА РФ, ф. 271, оп. 1, д. 27, л. 5–8).

⁴² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 113–114.

⁴³ Красная летопись. 1923. № 9. С. 180.

⁴⁴ Аврех А.Я. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 221–223.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 502, л. 59–60 об. По-видимому, этот разговор действительно имел место, поскольку упомянутая открытка сохранилась (ГА РФ, ф. 435, оп. 1, д. 10, л. 212).

⁴⁶ Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995. С. 216–221.

⁴⁷ Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 120.

Столыпинские реформы в отечественной и зарубежной историографии

© 2012 г. Н. Л. РОГАЛИНА*

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Столыпинская аграрная реформа относится к числу наиболее изучаемых проблем российской истории XIX – начала XX в. Реформа и крестьянская собственность, община и власть, реформа и революция, реформа и модернизация экономики – вот стержневые проблемы, вокруг которых сегодня ведутся оживленные дискуссии. Идет активное изучение этапов реформирования, проделана большая работа по реабилитации официальной статистики землеустройства и агрономической помощи, деятельности Крестьянского банка, размаха переселенческого движения¹. Акценты при этом смещаются на такие причины незавершенности преобразований, как объективные кадровые, финансовые и организационные трудности, нехватка исторического времени для их реализации. Продолжается спор о том, как с годами изменялись цели реформы и формы индивидуализации землевладения. Интенсивно исследуется и заключительный этап реформирования, начавшийся условно с 1910 г., когда были извлечены уроки из практики предшествующих лет. Историки говорят об отказе от «хутормании» и переходе от единоличного землеустройства к групповому, о переключении деятельности Крестьянского банка с продажи собственного земельного фонда на мобилизацию надельных крестьянских земель, о значительном росте кооперации, об активизации деятельности и расширении полномочий землеустроительных комиссий².

Однако вопрос о политических, социальных, экономических приоритетах самой реформы остается дискуссионным. Сегодня исследователи все реже пишут о провале или крахе столыпинского аграрного курса, поскольку углубляется понимание всего многообразия его аспектов. Подвергаются решительному пересмотру прежние пред-

* **Рогалина Нина Львовна**, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ставления о том, что Столыпин защищал экономические интересы дворянства, о разрушении общины как о главной цели реформы, о сознательном выращивании «кулаков» и создании «массы псевдособственников»³. В результате правительственного реформирования не осуществились надежды на систематическое увеличение крестьянских наделов по «справедливой оценке», как мечтали кадеты, но за 5 лет более 6 млн десятин помещичьей земли перешли в руки крестьян по рыночной цене. При этом исчезали бесперспективные имения, сдававшиеся в мелкую аренду, а ценные в экономическом отношении, капиталистически организованные имения сохранялись.

Вопрос о собственности в нынешних дискуссиях о реформе выступает как центральный. Трудно согласиться с утверждением, что только со временем, на втором этапе, правительство переориентировалось на мелкого собственника⁴. Уже в первой своей речи в Государственной думе 16 ноября 1907 г. председатель Совета министров связал неприкосновенность частной собственности с задачей создания мелкой личной земельной собственности⁵. По мнению Столыпина, «коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которой сжился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешить для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом. Тогда из кулаков и мироедов, способнейшие из крестьян превратились бы в культурных деятелей»⁶. При этом премьер отстаивал многообразие форм собственности: «Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная». В речи о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян в III Думе 5 декабря 1908 г. Столыпин разъяснял сущность семейной и личной собственности и отношение к ней правительства в условиях реформирования⁷. Он действительно считал наделы земельным фондом, обеспечивающим крестьянство, но настаивал, что надо приложить к этой земле свободный труд «лучших крестьянских сил». Соединив два понятия – труд и собственность, он говорил о риске, связанном с обладанием собственностью.

В центре правительственного реформирования проблема собственности стояла не сама по себе, а в контексте борьбы с бедностью и улучшения условий крестьянского труда. Правительство передало Крестьянскому поземельному банку часть казенных и удельных земель для продажи малоземельным крестьянам с 25% снижением номинальной стоимости. Банк год за годом наращивал свою посредническую деятельность по приобретению крестьянами земли в единоличную собственность (преимущественно хуторов и отрубов). Он выдавал ссуды под залог надельных земель, и эти ссуды шли на уплату за землю, оставляемую крестьянами, переселяющимися на новые земли, на доплату за землю, покупаемую при содействии банка, на улучшение землепользования и т.д.⁸

Как показано в исследовании Н.А. Проскуряковой, банк продавал землю дешевле средних цен на рынке, тем самым снижая их. Благодаря дешевизне и долгосрочности банковского кредита платежи банку всегда были ниже арендных платежей: недаром клиенты банка платили их исключительно исправно. Таким образом, в ходе реформы реализовалась возможность выбора. Крестьяне, выходя из общины, получали право продать или заложить укрепленные в частную собственность надельные земли, переселиться в города или на колонизационный фонд. Община же, выкупив землю высленцев, имела возможность наделить ею нуждавшихся и тем самым несколько разрядить земельное утеснение и социальную напряженность в своей среде. Укрепительный процесс дал много положительного: около 1 млн крестьян продали наделы, получив средства для дальнейшего хозяйствования, а оставшиеся 8 млн дворов купили эти наделы по ценам значительно ниже рыночных. Крестьянский банк активно участвовал в мобилизационном процессе, предотвращая спекулятивные сделки, не допуская обесценивания продаваемых земель. С годами банк наращивал свою деятельность в

качестве самостоятельного и самого крупного покупателя земельных имуществ. В итоге формирование частной крестьянской земельной собственности произошло почти исключительно (92.3%) при участии Крестьянского банка⁹.

По мнению А.Н. Медушевского, землеустройство упорядочивало всю землю, как общинную, так и подворную, и получило широкое развитие на надельных землях: там численность образованных хуторов и отрубов в 5 раз превысила количество землеустроенных хозяйств на банковской земле. Результаты землеустройства выражались и в том, что значительно повышалась стоимость разверстанной земли (178.5 руб. против 120.7 руб. за дес.), что помогало превратить надельную землю в активы. Таким образом, «столыпинская модель перестройки аграрных отношений позволяла решить вопрос о привлечении капиталов в сельское хозяйство – путем капитализации огромных земельных запасов, вводимых в рыночные отношения, создания рынка рабочей силы в аграрном секторе, ипотечного кредита, повышения товарности сельскохозяйственной продукции»¹⁰.

Исследователи аргументированно пишут о начале аграрного переворота или агротехнологической революции¹¹. Вступление крестьянского хозяйства на путь технического прогресса – факт общепризнанный. Сопоставление динамики различных показателей по категориям земель свидетельствует о том, что крестьянское хозяйство было охвачено интенсификацией не в меньшей степени, чем владельческое (помещичье)¹². Начиная с 1909–1910 гг. промышленный и сельскохозяйственный подъем шли рука об руку. Часть крестьян без ущерба для сельского хозяйства уходила в обрабатывающую промышленность, другая, тяготевшая к земледельческому труду, переходила к более рациональным формам хозяйствования, третья находила заработки в качестве сельскохозяйственных рабочих. Развитие сельского хозяйства усилило спрос на наемный труд, целиком поглотивший всю массу ищущих работу пролетариев. Владельцы хуторов и отрубов также были заинтересованы в привлечении сельскохозяйственных рабочих. В итоге спрос на рабочие руки почти повсеместно превышал предложение.

В.П. Данилов считал, что ставка на «сильных» не просто ослабляла слабых, а гнала их из деревни в город, который не мог принять десятки и сотни тысяч обездоленных и отчаявшихся людей. За 1907–1915 гг. свыше 1.2 млн дворов, вышедших из общины, продали надельную землю (4.1 млн дес.). В основном именно с целью продажи они и становились «новыми собственниками»¹³. Однако Э.М. Шагин оспаривает мнение о том, что преуспевание небольшой кучки хуторян и отрубников достигалось ценой разорения и деградации основной массы выделенцев из общины. Это предствление, настаивает он, базируется на неверном предположении, что если не каждый, то, во всяком случае, большинство выделенцев, продавших наделы, разорялись, превращаясь в пролетариев и полупролетариев. Однако на самом деле «едва ли не каждый третий хозяин, полностью продавший свой надел, взамен приобретал землю у крестьянского банка или казны. Еще примерно два из пяти таких хозяев освобождались от надельной земли посредством ее продажи потому, что переселялись за Урал или по причине обеспеченности промысловыми занятиями по месту жительства или доходной службой в городах. И лишь один из пяти продавал надел из-за недостатка рабочих рук, общей материальной несостоятельности или приверженности к пьянству»¹⁴. Вероятно, пролетаризация означала не пауперизацию, а, напротив, вертикальную социальную мобильность.

В годы проведения аграрной реформы крестьяне воспользовались благоприятной рыночной конъюнктурой, а их связи с рынком все более обуславливались не только обязательными платежами, но и удовлетворением потребностей собственного хозяйства. Продолжив расчеты, сделанные в 1920-х гг. А.Л. Вайнштейном¹⁵, Б.Н. Миронов выяснил, что в 1912 г. крестьяне платили на душу населения налогов в 6.9 раз меньше горожан¹⁶.

Растет понимание того, что реформа не была тотальным разрывом с прошлым¹⁷, что разные ее компоненты дополняли друг друга¹⁸, что успех или неудача аграрного реформирования определялись всем ходом российской модернизации¹⁹. К. Мацуза-

то, изучив фонды губернских присутствий, уездных съездов и земских начальников, содержащие жалобы и ходатайства по поводу землеустройства и укрепления земли, пришел к выводу, что эти документы свидетельствуют не о крахе реформы, а о распространении у крестьян новых понятий о законности и собственности. Теперь они не бунтовали, а законно протестовали²⁰. Шло преодоление правового дуализма, распространение действующего гражданского права на все население страны²¹.

Конкретно-исторические региональные исследования последних лет выявили районы-лидеры и аутсайдеры в отношении реформирования. Одни регионы первенствовали по результатам землеустройства, интенсификации, другие – по числу выходцев из общины или масштабам мобилизации надельной земли, третьи – по покупкам помещичьей земли и т.д. Так, пионерство в модернизации сельского хозяйства столичных губерний было связано с быстрыми темпами агротехнического прогресса, обеспечившими значительный рост урожайности и производство новых товарных видов сельскохозяйственной продукции²². Новороссийские и соседние с ними северо-черноземные губернии (Харьковская, Воронежская, Полтавская) дали основное число переселенцев и одновременно выступили как главные потребители сельхозмашин и орудий. «Здесь происходит глобальный переворот в сельском хозяйстве – переселенцы освобождают место для нового рывка вперед тем, кто остается, а сами сделают Сибирь важным сельскохозяйственным регионом», – пишет М.А. Давыдов, детально исследовав статистику землеустройства и динамику технического оснащения крестьянских хозяйств²³.

В 1913 г. Ставрополье вышло на первое место по чистому сбору продовольственных хлебов на душу населения, обогнав по показателю Кубань, имевшую лучшие природные условия, но не затронутую реформой. Высоко оценивая результаты аграрной реформы в Ставропольской губ., Т.А. Невская подчеркнула значение настроения местного населения – потомков колонистов, готовых к напряженному труду и риску во имя будущего своих семей. Освоить бескрайние степи, основать села и хутора, вывести замечательные сорта пшеницы и породы скота, обосноваться на Кавказе могли только самые сильные, предприимчивые и трудолюбивые крестьяне²⁴. Отмеченное относится и к Сибири, и ко многим другим регионам.

Быстрый рост денежных накоплений шел именно в земледельческих, аграрно-перенаселенных губерниях. Постепенному преодолению здесь аграрного кризиса способствовали покупки земли через Крестьянский банк и переселение в азиатскую часть России. Столыпин стремился вместо понятия крестьянского надела внедрить понятие крестьянской собственности, и это ему в значительной степени удалось. Его сподвижник А.В. Кривошеин, прощаясь с сотрудниками 29 октября 1915 г. (эта дата может считаться фактическим концом реформы), говорил: «наши идеи оказались плодотворными, потому что в них была заключена идея укрепления в русской деревне собственности – этой всемирной опоры хозяйства, культуры, свободы и порядка»²⁵. Масштабный эксперимент привлек внимание зарубежных ученых и экспертов. Они высоко оценивали происходящие в деревне перемены, и делали оптимистический прогноз в отношении динамики народного хозяйства в целом²⁶.

Модернизирующее воздействие аграрного реформирования нуждается в дальнейшем исследовании на региональном уровне. Требуется продолжения анализ институциональных изменений и вклада реформы в экономический рывок. Соответствующее исследование может быть продуктивным в контексте оценки уровня экономического развития как деревни, так и народного хозяйства в целом. Это тем более актуально потому, что невозможно игнорировать проблему «попутных ветров» реформы, выдвинутую ее противниками²⁷. Еще в 1914 г. Н.П. Огановский писал, что трудно и даже невозможно отделить полезное действие изменения форм землевладения, влияния непосредственной агрикультурной и экономической помощи населению от действия конъюнктурных факторов, связанных с хорошими урожаями и высокими ценами на хлеб и т.д. В то же время он косвенно признавал решающую роль правительственного реформирования и прямо связывал ее с проблемой собственности: «Если рулевое колесо истории не повернет налево в ближайшие годы, распространение частной собст-

венности на большую часть культурноспособной территории России – вопрос одного-двух десятилетий»²⁸.

Распространенным в современной литературе является мнение о том, что с реформой «опоздали»²⁹. О.Г. Вронский считает, что либерально-консервативный аграрный курс пробился сквозь тяжелый панцирь традиционного общества слишком поздно, что либеральная трансформация аграрной политики самодержавия должна была наступить, но не наступила на рубеже 1880–1890-х гг., когда уже вызревала идеология реформы³⁰. Ю.А. Васильев пишет, что «проведение в 1880-х гг. аграрной реформы, аналогичной столыпинской реформе 1906–1910 гг., могло иметь вполне реальную перспективу при условии, что трансформация сельской экономики являлась бы органическим процессом общей модернизации»³¹. Но как раз этого-то условия в России того времени и не было. На мой взгляд, прав Мацузато, заявляя, что нельзя объяснить 45-летнюю паузу между двумя великими реформами лишь инертностью правительства: «Только с окончанием мирового аграрного кризиса и в результате подъема уровня грамотности среди крестьян в силу распространения земских школ и проникновения в среду крестьянства понятия “улучшение хозяйства” впервые для передовых крестьян появилась возможность выйти из общины»³².

Вопрос об эффективности правительственного реформирования тесно связан с проблемой земской (кооперативной, общинно-коллективистской) и эсеровской альтернатив правительственному курсу. «Сущностью коллективистского пути, инициированного земствами и потом неонародническими агрономами, являлась модернизация общин путем принятия передовой агрокультуры на основании приговоров на сельских сходах», – пишет Мацузато. Сравнимая перспективы двух путей развития аграрного капитализма – индивидуального и коллективно-общинного, отмечая огромный потенциал земской агрономической помощи, нацеленной на коллективистский выход из аграрного кризиса, он подчеркивает, что самая устойчивая модернизация проходила через общину³³. П.Н. Зырянов также считал, что крестьянство «сумело бы лучше использовать это время для перестройки и подъема своего хозяйства, улучшения агрикультуры, решения вопроса об общине, если бы правительство не затеяло широкомасштабное и сомнительное мероприятие, вошедшее в историю как столыпинская аграрная реформа»³⁴. По мнению Л.И. Зайцевой, более плодотворным был бы курс, диаметрально противоположный столыпинскому, целью которого должно быть сохранение общины, ее устойчивости³⁵. К тому же мнению склоняется А.В. Ефременко: не столыпинская реформа, «а земская агрокооперативная деятельность, направленная на организационно-производственную перестройку крестьянских хозяйств, наиболее адекватно отражала экономическое положение деревни и представления сельского населения о возможных формах и способах преобразования деревни. Тем самым подготавливались более основательные предпосылки и для перехода от надельного к участковому землепользованию, включая его хуторскую и отрубную разновидности»³⁶.

Давыдов аргументированно возражает Ефременко. По его мнению, новая утопия («земская агрономическая пастораль») ³⁷, означает, во-первых, веру в русское многоземелье, а во-вторых, в способность общины приспособиться к рынку и к кооперации. Анализируя основные этапы развития агрономической помощи в России, Давыдов пришел к выводу, что агрономическая помощь стала одним из важнейших направлений деятельности землеустроительных комиссий и других правительственных органов: «Нет никакого сомнения в том, что подъем земской агрономии в огромной степени был обусловлен, а во многих случаях инициировался аграрными преобразованиями. Источники оставляют твердое впечатление, что, не будь реформы, агрономическая помощь по-прежнему практиковалась бы сравнительно в немногих земствах»³⁸.

О.В. Коновалова видит альтернативу правительственному реформаторству в программе демократических преобразований, связанных с доктриной эсеров, в попытке радикальной демократической интеллигенции найти такой вариант модернизации страны, который бы отвечал особенностям ее культурно-исторического развития. Речь идет об отказе от частной собственности и развитии коллективистских начал, о про-

грамме социализации земли, нацеленной на рост сельскохозяйственного производства не только за счет введения в оборот дополнительных земельных площадей, но и за счет интенсификации труда³⁹.

О.Г. Вронский выступил против идеализации оценки пореформенной общины. Он полагает, что идея кооперативной трансформации общины – не более чем утопия. «На протяжении пореформенных десятилетий общине не только никто не мешал ликвидировать чересполосицу, упорядочивать переделы, проводить многопольные севообороты, но и правительство, и земство приложили немалые усилия для содействия этим начинаниям. “Режим 14 декабря 1893 г.” был целиком построен на идее государственного содействия сохранению и рационализации общинного землевладения, однако экономические результаты его более чем 10-летнего функционирования были плачевны... Все еще слабый конкурент “мира” (крестьянин – чересполосный владелец или крестьянин – хуторянин и отрубник) оказался для общины куда более мощным побудительным фактором для группового землеустройства, чем многолетние административные потуги ведомства А.С. Ермолова и жертвенная работа земцев»⁴⁰.

В целом, хочется подчеркнуть, что анализ альтернатив столыпинской реформе создает обширное поле для наращивания знаний и состязания идей: развернутая полемика возможна теперь на солидной доказательной базе в ходе дальнейших региональных исследований.

Важнейшей чертой реформы явилась готовность правительства к сотрудничеству с земствами и общественными организациями. Автор фундаментального исследования по истории опытных сельскохозяйственных учреждений О.В. Елина отмечает в качестве главного направления аграрной политики того периода «развитие агрономических исследований объединенными усилиями правительства, земства и других общественных структур»⁴¹. Ким Чан Чжин пишет о том, что государство, земство и кооперацию связывали сложные идейные и реальные отношения, что между этими институтами возникла проблема «конфликтов, сотрудничества, надзора и использования»⁴². Не случайно Главное управление землеустройства и земледелия, как подчеркивает Е.М. Петровичева, «приступило к созданию самостоятельной организации участковой агрономии в районах землеустройства, а правительство неуклонно проводило идею расширения прав местного управления и самоуправления, согласившись с выдвинутым большинством земств принципом равного агрономического обслуживания всех крестьян»⁴³. Под воздействием правительственной политики в деревне менялось соотношение главных центров социально-экономического и общественного притяжения: общины, земства и кооперации. Роль общины падала, а кооперации – росла. Кооперация в известном смысле заменила общину. Земство же переживало сложные и противоречивые процессы. Очевидно, что встреча двух новых «культурных сил»⁴⁴ – земского агрономического персонала и кредитной кооперации – нуждается в специальном рассмотрении.

Сила реформы заключалась в сочетании радикальных и умеренных идей, отказе от жестких схем, учете состояния правосознания и менталитета крестьян, готовности к переменам различных групп и регионов. Во многом эти ее черты определили и ее незавершенность. По мнению В.П. Попова, к 1917 г. новая тенденция развития мелкого крестьянского землевладения и традиционные общественные (коллективные) формы владения землей примерно уравнились. Незначительный толчок в ту или другую сторону мог стать решающим⁴⁵. Однако в революционную эпоху симпатии крестьян можно было завоевать лишь требованием дополнительного наделения их землей и уничтожения помещичьего хозяйства, что и стало главным пунктом аграрных программ всех партий. В феврале–октябре 1917 г. спор между ними шел лишь об объеме аграрной реформы.

Несмотря на такие принципиальные условия, как возможность выбора и добровольность, реформа не сумела выработать механизма саморазвития. Общегражданский подход не успел утвердиться и вытеснить традиционную систему крестьянского правопорядка и правосознания. Социокультурные и социально-психологические цели

реформы оказались наиболее трудно реализуемы. Они требовали не только продолжительного и целеустремленного администрирования, но и включения механизма саморегуляции общества⁴⁶.

Широкую поддержку исследователей встречает ныне точка зрения, что реформа осталась незаконченной из-за мировой войны и вызванной ею революции. Сравнительный анализ операций Крестьянского банка, размаха переселенческих работ, масштабов мобилизации земли за годы реформы, темпов роста кооперативных рядов в период с 1906 по 1915 г. говорят о значительности перемен.

Опыт столыпинской реформы важно рассматривать в контексте хозяйственных задач, стоящих перед модернизующейся страной. Стратегические цели, лозунги, идеи П.А. Столыпина, а главное – результаты его преобразований, решавших в первую очередь не партийные, а национальные задачи, особенно ценны сегодня. Исключительно важен реформистский принцип оптимальной поддержки, а не патерналистской опеки.

Примечания

¹ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002; Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. М., 2010.

² Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений». М., 2000; Елина О.В. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII в. – 20-е гг. XX в. Т. 2. М., 2008; Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. Иваново, 2002.

³ См.: Анфимов А.М. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 264; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992. С. 63; Фроянов И.Я. Октябрь 1917. Взгляд из настоящего. СПб., 2002. С. 24, 50; Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. С. 258, 264, 267; Куренных А.А. Крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Современная историография // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы научных чтений. М., 2006. С. 461–462.

⁴ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 129; Коцюнис Я. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006. С. 100, 140.

⁵ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 98–100.

⁶ Цит. по: Сидорович Г.П. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002. С. 113–114.

⁷ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 93–94, 176.

⁸ ПСЗ-III. Т. 26. № 28547.

⁹ Проскуракова Н.А. Указ. соч. С. 346.

¹⁰ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России. М., 2005. С. 286.

¹¹ Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 2. С. 196; Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века. М., 2004. С. 102, 104, 261–262; Россия в начале XX века. М., 2002. С. 68.

¹² Вайнштейн А.Л. Избранные труды. Кн. 1. М., 2000. С. 303.

¹³ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. М., 1992. С. 317.

¹⁴ Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 54.

¹⁵ См: Вайнштейн А.Л. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 128.

¹⁷ См.: Россия в XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 35.

¹⁸ Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 36.

¹⁹ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 398–399; Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 2000. Т. 2. С. 225; Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 44–45.

²⁰ Мацузато К. Указ. соч. С. 196.

- ²¹ Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 12.
- ²² Ковалев Д.В. Указ. соч. С. 102, 103, 258.
- ²³ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 784.
- ²⁴ Невская Т.А. Столыпинская аграрная реформа на Северном Кавказе. СПб., 1997. С. 136, 137.
- ²⁵ Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 60.
- ²⁶ Аухаген Г. Критика русской земельной реформы. СПб., 1914; Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор. СПб., 1914.
- ²⁷ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 264.
- ²⁸ Огановский Н.П. Аграрный вопрос в России после 1905 года // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 32. С. 5–6.
- ²⁹ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. М., 2001. С. 24, 53.
- ³⁰ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 264.
- ³¹ Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. М., 2006. С. 67.
- ³² Маузо К. Индивидуалистские коллективы или коллективистские индивидуалисты? // Новый мир истории. М., 2002. С. 194.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 227.
- ³⁵ Зайцева Л.И. Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX в. М., 1995. С. 39.
- ³⁶ Ефременко А.В. Указ. соч. С. 26.
- ³⁷ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 611.
- ³⁸ Там же. С. 619.
- ³⁹ Коновалова О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2. С. 48, 51, 54.
- ⁴⁰ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 320–321.
- ⁴¹ Елина О.В. Указ. соч. С. 8.
- ⁴² Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996. С. 119.
- ⁴³ Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период думской монархии. М., 2001. С. 188.
- ⁴⁴ Коционис Я. Указ. соч. С. 145.
- ⁴⁵ Власть и общество в России. XX век. С. 227.
- ⁴⁶ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 215.

© 2012 г. О. В. БОЛЬШАКОВА*

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Фигура П.А. Столыпина и его деятельность на посту премьера, в том числе проводившиеся им аграрные реформы, получившие условное название «столыпинских», всегда были темой крайне политизированной. И в довоенное время, и особенно в эпоху холодной войны, когда центральной проблемой для зарубежной историографии являлась русская революция, ее истоки, причины и последствия, «последняя попытка царизма удержаться на плаву» привлекала внимание многих историков, экономистов, публицистов¹. Исследования этой темы достигли своего пика в 1980-х гг., а затем плавно начали сходить на нет.

С самого начала англоязычные историки концентрировали свое внимание на нескольких сюжетах: Столыпин и парламентаризм, аграрные реформы, национальная и

* **Большакова Ольга Владимировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.